

Мин Хань повернулся на бок, в его глазах промелькнула усмешка:

— Неужели я тебе настолько интересен?

Чэнь Чжэн встретил этот взгляд:

— Я обязан постоянно сохранять бдительность, чтобы соответствовать форме, которую ношу.

Он произнес это совершенно спокойным тоном, но взгляд Мин Ханя на мгновение потяжелел. Через пару секунд тот откинулся на спинку сиденья.

— Меня и правда сослали. Но ты угадал наполовину — я не совершал ошибок. По крайней мере, сам я не считаю, что это была такая уж большая ошибка.

Чэнь Чжэн улыбнулся:

— Это заметно.

Мин Хань оживился:

— Раз уж тебе так любопытно, я расскажу.

Чэнь Чжэн изобразил сдержанность:

— Не так уж и любопытно.

— Еще как любопытно! — Мин Хань вскинул брови. — Ты же не удержался и спросил!

— ...

Мин Хань начал рассказывать историю своей ссылки.

Участники мобильной группы пользовались относительной свободой, но иногда им поручали задачи, мало связанные с расследованиями: например, командировали в полицейскую академию курировать студентов или отправляли для обмена опытом в региональные подразделения. Мин Хань не питал к подобным заданиям ни малейшего интереса. К счастью, каждый раз, когда начальство называло его имя, у него в работе оказывалось какое-нибудь важное дело. Поэтому за столько лет в мобильной группе он ни разу не принимал подобных поручений.

В первой половине этого года его отряд раскрыл довольно крупное дело. Из-за того, что расследование затянулось, все в той или иной степени вымотались. Новых задач сразу давать не стали, и весь состав оставили в штабе восстанавливать силы. Однако отдых не означал отпуск. Начали распределять «легкие» поручения. У Мин Ханя в те дни то и дело дергалось веко — он чувствовал, что скоро дойдет очередь и до него.

И действительно, академии потребовалось несколько молодых, опытных бойцов для работы с третьюкурсниками. Выбор пал на него.

— Я не пойду, — отказался он прямо перед лицом Тан Сяоли, главы мобильной группы.

Тан Сяоли, помрачнев, сказал:

— Это плановое рабочее назначение. Ты думаешь, у тебя есть выбор?

— Работа — это двусторонний выбор. У меня есть право на отказ.

Тан Сяоли возразил:

— Чем тебе плохо в роли наставника, позволь спросить? Ты круглый год под пулями, я даю тебе передохнуть полгода, а ты еще и характер показываешь? Ты хоть знаешь, сколько людей мечтают об этом месте?

— Вот пусть они и идут. Разве я им мешаю? — ответил он.

— Ты просто невыносим! — гаркнул Тан Сяоли. — Другие-то хотят, но разве академия примет абы кого для подготовки выпускников? Кто будет отвечать, если их плохо обучат?

Мин Хань парировал:

— А я, значит, обучу хорошо? Старина Тан, я что, похож на учителя? Чем отправлять меня к студентам, лучше отправь меня к служебным собакам!

Тан Сяоли тоже был упрямым — в молодости, небось, был еще похлеще. Раз Мин Хань не хотел идти, Тан Сяоли твердо решил его заставить. А не пойдет — пусть посидит под замком и подумает над своим поведением. Так они препирались целую неделю, но ответ оставался прежним: «Не пойду».

В академии торопили, а Тан Сяоли не рискнул насильно отправлять того, кто не желает работать — если со студентами что-то пойдет не так, виновата будет мобильная группа. Пришлось сообщить академии, что Мин Хань занят на другом задании и у него нет «окна» в графике.

Узнав об этом, в академии очень пожалели, но отступились.

Хотя от задачи сеять разумное, доброе, вечное Мин Хань отвертелся, наказание все равно последовало. Тан Сяоли, хлопнув по столу, объявил:

— Раз уж ты так хотел к собакам — иди! И не возвращайся, пока не научишься их воспитывать!

Мин Хань взял приказ о назначении и хмыкнул: «Ого, Центр кинологической подготовки города Чжуцюань».

— Ц-ц... — он сложил приказ с таким видом, будто его всё устраивало.

Зато его капитан, Цао Цюн, был вне себя от ярости:

— Тебе еще и смешно? Организация тебя растила для того, чтобы ты собак кормил?

— Капитан Цао, ну что вы такое говорите? Это же служебные собаки, наши боевые товарищи, — небрежно отозвался он. — Вы что, их не уважаете? Недостаточно высокий уровень сознательности, однако.

— Ты! — Цао Цюн был на грани. — Ладно, не носи чушь. Старина Тан просто хочет проучить тебя. Он тебя так ценит, разве он всерьез отправил бы тебя в Чжуцюань? Иди сейчас к нему, извинись, будь паинькой, прояви искренность — неужели он тебя не простит? К тому же в академию уже ехать не надо. Не зли старика Тана!

Мин Хань перестал паясничать:

— Дело не в том, злится он или нет. Я не подчинился приказу и должен понести наказание. Если меня не накажут, что скажут другие? Обо мне, о старике Тане, о нашей мобильной группе?

У Цао Цюна аж искры из глаз посыпались:

— Ты сейчас такой сознательный стал? А раньше ты, мать твою, где был?

— Я просто не хочу в академию.

Цао Цюн, защищая своего бойца, спросил:

— Ну так скажи, почему не хочешь?

— На самом деле я говорил старику Тану: я не создан для преподавания. У меня нет ни терпения, ни той черты, которая заставляет людей невольно следовать за тобой, — серьезно ответил он. — Поэтому мой поход туда стал бы потерей времени и для меня, и для студентов.

Цао Цюн, редко видевший его таким серьезным, на миг опешил, но тут же понял, что Мин Хань просто вешает ему лапшу на уши красивыми словами. Он в сердцах хлопнул его по спине:

— Какая еще черта? В академии полно желторотиков, которые жизни не видели! Ты — ядро мобильной группы, я уже не говорю о твоих заслугах, ты их одной своей аурой раздавишь! Стоит тебе представиться, и они пойдут за тобой как миленькие. Думаешь, почему академия назвала именно твое имя? Они что, не видят, что ты — лучший вариант?

Тот лишь покачал головой и бросил:

— Поверхностно.

Цао Цюна едва не хватил удар.

— Способность заставить детей искренне следовать за тобой не имеет почти ничего общего ни с именем, ни даже со способностями, — он коснулся переносицы, словно вспоминая какой-то пример. — Он просто стоит там, мягко представляется — и все затихают, готовые идти за ним. Я не он, я так не умею, поэтому лучше уж я не буду портить студентов.

Цао Цюн окончательно запутался:

— О ком это ты?

Тот махнул рукой и направился к двери:

— Ни о ком.

— А ну стоять! — Цао Цюн швырнул папку вслед. — Снова плетешь чушь, будто видел такое на самом деле!

В итоге Тан Сяоли не переубедили, а Цао Цюн не уговорил. Мин Хань собрал вещи и из элиты мобильной группы в мгновение ока превратился в уборщика вольеров кинологического центра.

Выслушав это, Чэнь Чжэн замолчал. Подумав, он спросил:

— Ты говоришь о Полицейской академии провинции Хань в городе Тунчжоу?

Провинция Хань была крупной, в ней находилось много известных вузов, и академия была одним из них. Но, в отличие от других статусных заведений, она располагалась не в столице, Лочэне, а в промышленном центре Тунчжоу. Весь дух школы соответствовал характеру города: жесткий, решительный, суровый.

Мин Хань кивнул:

— Ага, именно о ней.

Возможно, из-за того, что Чэнь Чжэн слишком долго занимал руководящие посты, его мысли были схожи с мыслями Тан Сяоли и Цао Цюна. Он тоже считал, что Мин Ханю стоило поехать. Это был кратчайший путь наверх, да и передача боевого опыта студентам, которые скоро отправятся на передовую, — обязанность элиты. Это была безусловная выгода для обеих сторон. Прояви Мин Хань такое неподчинение у него, Чэнь Чжэн, пожалуй, тоже сослал бы его в ссылку для раздумий.

Но, в конце концов, он не был членом мобильной группы, поэтому высокомерные поучения остались при нем. Он лишь сказал:

— Я тоже когда-то преподавал в академии. Ситуация тогда была похожа на твою.

Мин Хань улыбнулся:

— О? И когда же?

Чэнь Чжэн задумался, видимо, уже не помня точно:

— Девять или десять лет назад. Пробыл там месяца три.

Тот опыт не был чем-то выдающимся в его карьере, вспоминаясь лишь как незначительный эпизод. Но он понимал Тан Сяоли и Цао Цюна во многом потому, что сам извлек пользу из пребывания в академии. Он прекрасно знал, что они заботились о Мин Хане — точно так же, как когда-то его начальник Хо Пинфэн.

Тогда он был еще совсем молод, но уже начал выделяться в городском управлении. Успех принес не только похвалы, но и множество сомнений со стороны окружающих. Чем ярче он сиял, тем больше ответственности на него возлагали, тем больше задач давали и тем пристальнее становились взгляды. Большинство этих взглядов были испытующими: люди ждали, когда он совершит роковую ошибку. Он это прекрасно понимал, поэтому выполнял каждое задание безупречно, не давая недоброжелателям повода для радости.

Но даже так его возраст и неопытность стали главной мишенью для нападок. В управлении пошли слухи, что его успех держится лишь на связях и происхождении, и что он занимает место не по праву.

Каким бы спокойным он ни был, слушать подобные провокации было утомительно, и это начало сказываться на работе. Те, кто хотел увидеть его позор, ждали именно этого момента. Он был в шаге от того, чтобы сорваться на открытый конфликт.

Хо Пинфэн вызвал его в кабинет и добродушно сказал:

— Сяо Чэнь, у меня есть для тебя задание.

Когда он узнал, что новое задание — это временный уход из управления и работа преподавателем в академии провинции Хань, его глаза покраснели от гнева. Какой молодой и амбициозный оперативник захочет уходить с передовой? Работаешь отлично, ошибок нет, и вдруг тебя отправляют нянчиться с детьми — это явно подстроено!

Именно так он тогда и думал.

— Почему? Какое задание я провалил? — сдерживая ярость, спросил он Хо Пинфэна. Хотя он изо всех сил старался сохранять лицо, позже, вспоминая этот момент, он понимал, что это был дерзкий вызов. — Или на вас надавили? Вы обязаны избавиться от меня? Вы же знаете, что это всё слухи! Я способен оставаться в отряде!

Хо Пинфэн не стал с ним спорить и все так же мягко ответил:

— Сяо Чэнь, вы, молодые, всегда слишком прямолинейны. Но иногда вовремя уйти в тень, чтобы потом сделать шаг вперед, — это жизненная мудрость, которой стоит поучиться. Ты и сам знаешь, что против тебя ополчились. Если ты останешься в отряде и будешь идти на рожон, что в этом хорошего? Ты не сможешь сосредоточиться на делах, а враги будут следить за каждым твоим шагом. Убытки превысят выгоду.

Он ничего не хотел слушать:

— Но я не виноват! Почему я должен отступать?

Хо Пинфэн долго смотрел на него в молчании.

— Потому что в будущем именно ты должен будешь стать опорой.

В тот день он так и не получил внятного ответа от Хо Пинфэна, а дата перевода неумолимо приближалась. Он даже думал попросить объяснений у своего дяди Лу Хэцзиня, но в итоге сдержался. Это была только его, Чэнь Чжэна, проблема. Если он не сможет справиться с ней сам, то чем он будет отличаться от героя тех самых слухов?

Уезжая из управления, он с трудом подавлял горечь. Хо Пинфэн пришел проводить его, но Чэнь Чжэн даже не смог выдавить из себя вежливую улыбку. Хо Пинфэн, улыбаясь, напутствовал его: мол, учитель не должен вечно ходить с мрачным лицом. Он не придал этим словам значения, но, как ни странно, стоило ему войти в ворота академии и увидеть молодые, открытые лица студентов, как на душе внезапно стало спокойно. Обида и гнев опустились на самое дно, уступив место чувству, имя которому — ответственность.

В академии он впервые по-настоящему ясно осознал свой долг.

В те времена сотрудничество между академией и полицией на местах не было таким тесным, как сейчас. Его появление стало камнем, брошенным в воду, вызвавшим огромные круги. Студенты предпочитали слушать его байки, а не лекции кабинетных профессоров. Когда он проводил практические занятия или разбор дел, аудитории всегда были забиты до отказа.

На второй месяц пребывания в академии Хо Пинфэн позвонил ему, чтобы узнать, как он устроился. Чэнь Чжэн ответил:

— Капитан Хо, я понял, почему вы меня сюда отправили.

Хо Пинфэн прищурился в трубку:

— О?

— Спасибо вам.

Временный уход из управления не только позволил ему в момент растерянности дистанцироваться от распрей и сомнений, но и дал шанс проявить себя на другом поприще. Время и мысли за этот период «ссылки» упорядочились. Разбирая вместе со студентами раскрытые дела, он находил в них новые зацепки. Всё это становилось кирпичиками в фундаменте его будущего.

Хо Пинфэн расхохотался:

— Еще и скромничаешь со мной.

Он пообещал студентам, что летом возьмет их на практику, но спустя три месяца после начала преподавания его отозвали в управление — его ждала серия убийств, прокатившаяся по нескольким городам. В день отъезда студенты пришли его проводить и громко кричали:

— Учитель Чэнь, когда раскроете дело, вернетесь к нам?

Он выпалил не задумываясь:

— Постараюсь побыстрее!

Но в глубине души он прекрасно понимал: даже если дело будет раскрыто в мгновение ока, он сюда не вернется. Трех месяцев оказалось достаточно — ропот недовольных утих, и стоило ему по возвращении снова отличиться, как все предубеждения были бы окончательно подавлены.

Через полмесяца истинный преступник был пойман. Чэнь Чжэн сыграл в этом ключевую роль и лично надел на убийцу наручники. Как он и ожидал, недовольство сменилось хвалебными отзывами, и он по-настоящему стал незаменимым молодым костяком управления.

Тогда был только июль, практика в академии только началась. Он думал о том, чтобы навестить студентов, но Хо Пинфэн улыбался как Будда Майтрея:

— Не оглядывайся назад, твоя дорога впереди.

Он официально завершил работу в академии. Ответная реакция вуза заставила исчезнуть последние крупницы критики в его адрес — отзывы студентов были сплошь положительными, единственная жалоба звучала так: «Учитель Чэнь обещал вернуться и не вернулся, вот бабник!»

Эти три месяца остались в памяти лишь далеким всплеском волны. В большинстве случаев он даже не вспоминал о них, а лица студентов давно стерлись из памяти. Но порой, когда это всплывало в сознании, свойственный юности задор заставлял его искренне улыбнуться. И теперь, проводя параллель с выбором Мин Ханя, он испытывал еще большее сожаление.

Мин Хань спросил:

— Всего три месяца? Чему можно научить за три месяца?

— Многому, — Чэнь Чжэн начал перечислять пункты программы, но на середине заметил странный тон собеседника. — Ты будто чем-то недоволен?

— Да ну? — лицо Мин Ханя сияло, как ясный день, без тени лукавства.

Чэнь Чжэн подумал, что ему, возможно, показалось.

— При таких временных назначениях вы же должны брать студентов на практику? — спросил Мин Хань. — Ты брал?

— Нет, — ответил Чэнь Чжэн.

— Значит, ты был некомпетентен, — безапелляционно заключил Мин Хань.

Чэнь Чжэн открыл рот, собираясь возразить, но в памяти внезапно всплыли кадры проводов. Кажется... он и впрямь их подвел.

— Почему? — спросил Мин Хань.

Чэнь Чжэн на миг отвлекся:

— А?

— Почему ты не взял их на практику?

Чэнь Чжэн не собирався вдаваться в подробности и вместо ответа спросил:

— Раз ты знаешь, что при переводе в академию нужно брать студентов на практику, значит, ты изучал этот вопрос. И после этого говоришь, что тебе неинтересно?

Мин Хань на мгновение замялся:

— Именно потому, что изучил, и не захотел ехать. Я же говорил, что не люблю шумных людишек, особенно студентов. Ты даже не представляешь, какими они бывают энергичными, да еще и вонючими! Я лучше буду за псами ухаживать.

Чэнь Чжэн усмехнулся. Столько разговоров было о полицейской академии провинции Хань, а он так и не спросил, что окончил сам Мин Хань.

— А ты где учился?

В глазах Мин Ханя на миг что-то промелькнуло, но Чэнь Чжэн на него не смотрел и ничего не заметил. Мин Хань промолчал. Когда Чэнь Чжэн повернул голову, Мин Хань уже вернул себе прежний беззаботный вид.

— Я думал, ты знаешь, — усмехнулся Мин Хань.

— Я что, гадалка? — отозвался Чэнь Чжэн.

— Раз академия Хань пригласила меня преподавать, я думал, ты решишь, что я их выпускник.

— А-а, — протянул Чэнь Чжэн. — Такая вероятность была. — Помолчав, он добавил: — Но это ведь мало связано с тем, кто и что оканчивал. Я вот не оттуда.

Чэнь Чжэн снова взглянул на Мин Ханя, пытаясь определить, учился ли тот в академии Хань. Судя по возрасту, если бы Мин Хань был там студентом, они вполне могли видеться — Мин Хань даже мог приходить к нему на лекции, но Чэнь Чжэн этого не помнил.

— Я тоже нет, — сказал Мин Хань после короткого зрительного контакта.

Чэнь Чжэн счел это логичным, иначе было бы неловко ничего не помнить.

— Так где же ты учился?

— Я-то?.. — Мин Хань заложил руки за голову. — В полицейской школе Ланьшаньгоу.

Чэнь Чжэн опешил. Где это? Звучит как какое-то сомнительное заведение.

Мин Хань добавил:

— Эй, даже не ищи, это «шарашкина контора», ее уже и след простыл. Мое образование — это моя вечная травма.

Чэнь Чжэн засомневался: с одной стороны, этот парень не казался человеком с душевными травмами, с другой — он и впрямь не походил на типичного представителя академической школы.

— А ты? — прервал его раздумья Мин Хань.

— Я? — ответил Чэнь Чжэн. — Я оканчивал Университет общественной безопасности...

— Ц-ц-ц! Ну вот, начал хвастаться! — Мин Хань театрально развел руками. — Понятно, понятно, отличник из элитного вуза презирает нас, бродяг из подворотни.

Чэнь Чжэн потерял дар речи от такой наглости:

— Ты же сам спросил?

Мин Хань смахнул несуществующую слезу:

— Учитель Чэнь, я к тому, что раз я уже признался, за что меня сослали разгребать навоз в Чжуцюань, не пора ли и тебе честно рассказать, почему тебя перевели в институт психологии?

Улыбка постепенно сползла с лица Чэнь Чжэна. Спустя мгновение он произнес:

— В институте хорошо, нагрузка небольшая. Если в других городах дела не доведены до конца, мы можем стать последним рубежом, как в случае с городом Яфу...

— Эй-эй-эй! Стоп! — видя, что Чэнь Чжэн готов пуститься в пространные рассуждения, Мин Хань поспешно сделал жест «пауза». — Я с тобой так искренне, а ты мне опять казенными фразами отвечаешь?

Но Чэнь Чжэн не остановился:

— Твоя работа в этот раз тоже... Если бы в институте не было так спокойно, смог бы я помогать тебе, чтобы ты поскорее раскрыл дело и отчитался перед филиалом Бэйе и своей мобильной группой?

Мин Хань: ...

Договорив, Чэнь Чжэн отхлебнул кофе.

Мин Хань почесал свой короткий «ёжик» и беспомощно вздохнул:

— Брат, так это ты у меня на подхвате или я у тебя?

Чэнь Чжэн и бровью не повел:

— Есть разница? Главное — раскрыть дело. Куда тебя везти?

— Правда подбросишь? — спросил Мин Хань. — Кинологический центр довольно далеко.

Чэнь Чжэн холодно усмехнулся:

— Ты уже уселся, к чему эта притворная вежливость?

— Я же купил тебе кофе.

Дорога была свободной. Когда Чэнь Чжэн остановил машину у ворот центра, Мин Хань предложил:

— Раз уж приехал, не хочешь потискать песиков?

— Твои напарники-собаки знают, что ты держишь их за домашних питомцев? — спросил Чэнь Чжэн.

— Ну не будь таким серьезным, брат, — Мин Хань уже отстегнул ремень, но выходить не спешил. — Ты слишком напряжен, но на самом деле... Хань Цюй уже в прошлом.

При звуке этого имени тело Чэнь Чжэна мгновенно одеревенело. Через несколько секунд он повернулся вправо, в его глазах читалось нескрываемое удивление.

Мин Хань поднял руки:

— Прости, не удержался. Я кое-что слышал о событиях в Лочэне в мобильной группе.

Пальцы Чэнь Чжэна, сжимавшие руль, постепенно расслабились, лицо вернуло привычное выражение:

— Ничего, это не секрет.

— Ошибся Хань Цюй, почему ты винишь себя? — на виске Мин Ханя слегка вздулась вена, но в голосе не было ни капли эмоций. — Вы же разные люди.

Чэнь Чжэн не ответил.

Мин Хань добавил:

— Если только вас не связывало что-то особенное.

— Он был моим близким другом, — произнес Чэнь Чжэн, а затем, словно почувствовав, что этого слова недостаточно, добавил: — Мы были братьями.

Мин Хань смотрел на профиль Чэнь Чжэна, нахмурившись, но когда заговорил, его вид снова стал беззаботным:

— Тем более ты тут ни при чем. Сейчас уже не те времена, когда карали до девятого колена,

тем более что вы братья не по крови.

Чэнь Чжэн горько усмехнулся:

— То, что я вовремя не заметил его проблем, — моя ответственность.

Мин Хань занервничал:

— С чего бы это вдруг твоя?

Чэнь Чжэн, погруженный в события тех лет, не заметил реакции собеседника:

— Я был капитаном отдела уголовного розыска. Занимая этот пост, я должен был видеть то, чего не видят подчиненные, должен был нести более тяжелую ношу. Для кого-то другого неспособность разглядеть человека — просто промах, для меня — это провал.

В машине на несколько минут воцарилась тишина. Наконец Мин Хань сказал:

— Вы, люди...

Он не смог закончить фразу прямо. Чэнь Чжэн подождал немного и повернулся:

— Что с нами, людьми?

— С самого рождения у вас всё идет гладко, вы никогда не знали неудач, поэтому и взваливаете на себя то, за что вовсе не должны отвечать. Вам самим-то не тяжело? — сказал Мин Хань. — Таким, как я, пережившим кучу неудач, вообще на всё плевать. Брат — это брат, а ты — это ты. Ты ему не отец.

Тема была тяжелой, но из-за громкого голоса и дерзкого тона Мин Ханя Чэнь Чжэну вдруг захотелось улыбнуться.

Мин Хань заметил движение его губ:

— Вот видишь, брат, я тебя даже рассмешил. Чего ты тогда так напрягаешься?

Чэнь Чжэн так и не рассмеялся:

— Что ты опять заважничал? Ну расскажи, через какие такие неудачи ты прошел, что с таким видом читаешь мне нотации?

Но Мин Хань лишь замахал руками:

— Я сегодня и так сболтнул лишнего. Всё, пошел навоз грести. — С этими словами он толкнул дверцу.

Чэнь Чжэн думал, что тот просто уйдет, но Мин Хань замер и вдруг, пригнувшись к окну, сказал:

— Брат, может, станешь мне настоящим братом? Я же тебя уже столько раз так назвал.

Чэнь Чжэн машинально ответил:

— Не...

Но Мин Хань проигнорировал отказ, перекрыв его своим громким голосом:

— От братства со мной одни плюсы: ресурсы мобильной группы — пользуйся не хочу. Я тут случайно проболтался, но старина Тан и старина Цао хоть и ворчуны, ко мне относятся со всей душой. И вообще, я брат надежный, подставлять тебя точно не буду.

Не дожидаясь реакции, Мин Хань с грохотом захлопнул дверь.

Слово «брат» долгое время было для Чэнь Чжэна оголенным нервом. Стоило о нем вспомнить, как в крови закипал гнев. Но в этот раз словно налетел невидимый ветер, умиривший кипящее море негативных эмоций.

Спустя мгновение он резко открыл дверь, желая окликнуть Мин Ханя, но тот уже убежал далеко. Видимо, услышав звук открываемой двери, Мин Хань поднял правую руку и лихо махнул на прощание.

В этот миг Чэнь Чжэн вспомнил тех парней из академии — наглых и самоуверенных. Тех, кто в день его отъезда наперебой кричали, желая его возвращения.

<http://bllate.org/book/17170/1618690>